

Состязание без «железного занавеса»

написано Movladi ABDOLAIEV | 25.06.2011

К 25-летию первых Игр Доброй воли

Как же быстро летит время. Кажется, только недавно состоялись первые Игры Доброй воли, а уже прошло четверть века. Эти соревнования любителям спорта Чечено-Ингушетии запомнились в первую очередь блестящими выступлениями своих земляков.

✘ Идея возникновения Игр Доброй воли напрямую связана с противостоянием двух сверхдержав – США и СССР. Пиком политического кризиса двух политических систем в ходе «холодной войны» стал бойкот из-за ввода советских войск в Афганистан Соединенными Штатами Америки и другими западными странами XXII-х Олимпийских Игр, прошедших в Москве в 1980-м году. Спустя четыре года Олимпийские Игры в Лос-Анджелесе бойкотировали почти все страны социалистического лагеря во главе с Советским Союзом. Официальной причиной ответного бойкота стал отказ организаторов Олимпиады-84 предоставить гарантии безопасности спортсменам из СССР и других стран Варшавского договора.

Но любому противостоянию, как известно, приходит конец. Сначала спортивная общественность СССР и США выступила инициатором соревнований в противовес политике и гонке вооружений, в которых должны были принять участие помимо спортсменов из СССР и США сильнейшие атлеты планеты. Инициатива была одобрена в высоких кабинетах, и 6 августа 1985 года американской телевизионной компанией «Тернер Бродкастинг

систем» (Ти-би-эс), представлявшей интересы спортивных федераций США, совместно с Государственным комитетом СССР по физической культуре и спорту и Государственным комитетом СССР по телевидению и радиовещанию было подписано соглашение о проведении в 1986 году в СССР, а через 4 года в США соревнований, получивших название «Игры Доброй воли».

Девизом Игр был слоган: «От дружбы в спорте – к миру на Земле». Символично, что Игры Доброй воли проходили в год, объявленный ООН Международным годом мира. Игры Доброй воли было решено проводить 1 раз в 4 года (в перерывах между Олимпийскими Играми). И надо сказать, что статус первых Игр Доброй воли был едва ли не на уровне Олимпийских Игр: к участию в Играх спортсмены и команды приглашались на основании результатов, показанных ими на Олимпийских Играх, чемпионатах мира и других важных международных соревнованиях. Советским спортсменам за победу на Играх Доброй воли обещали премиальные почти такие же, как за победу на Играх Олимпийских. Тот факт, что в качестве гостей на Играх Доброй воли присутствовали президент Международного олимпийского комитета Хуан-Антонио Самаранч, президенты многих международных спортивных объединений, министры спорта разных стран тоже говорил о высоком уровне соревнований. В СССР даже выпустили почтовую марку СССР, посвященную первым Играм Доброй воли. Все это подчеркивало высокий уровень соревнований. Безусловно, Игры Доброй воли, наряду с чемпионатом мира по футболу в Мексике, явились самыми крупными и значимыми соревнованиями 1986 года.

В первых Играх Доброй воли принимало участие более 3000 спортсменов из 79 стран, которые разыграли 182 золотые медали в 18-ти видах спорта. Героями Игр стали Сергей Бубка, впервые в прыжках с шестом преодолевший шестиметровый рубеж, легендарный пловец Владимир Сальников, установивший рекорд мира в плавании на 1500 метров, американка Джеки Джойнер-Керси, первой в истории женского семиборья набравшая более 7000 очков... И на этом фоне не померкли выступления чечено-ингушских спортсменов, внесших существенную лепту в копилку

сборной СССР.

Торжественное открытие первых Игр Доброй воли состоялось 5 июля, но представители Чечено-Ингушетии вступили в борьбу за медали 11 июля. Именно в этот день начались соревнования боксеров и борцов. В соревновании борцов вольного стиля в категории до 74 кг. защищать честь страны было доверено борцу из Грозного чемпиону Европы Адлану Вараеву. Впрочем, вспоминать эти Игры он не любит. И не потому, что не стал победителем, а потому, что именно на дни этих соревнований пришла трагическая весть о смерти матери. Адлан хотел было сняться с соревнований и вылететь домой, но чувство долга перед страной и болельщиками перевесило. Но если четвертьфинальный и полуфинальный поединки он выиграл соответственно у физически сильного монгола Лодойжна Эхбайджара (8:4) и техничного японца Йошихобы Хирайямы (3:0), то в финальной схватке с американцем Дэйвом Шульцом, проигранной со счетом 2:4, Адлану не хватило эмоций и в спорных эпизодах благосклонности судей. К слову, через год во французском городе Клермон-Ферран Вараев возьмет реванш у Шульца в финале чемпионата мира.

В турнире боксеров, прошедшем с 11 по 19 июля, приняли участие многие лучшие в своих категориях боксеры-любители того времени. И хотя в Москву тогда из-за осложнившихся отношений с американцами не приехали кубинцы, это нисколько не умалило значимости боксерских соревнований. Любителям бокса будет интересно узнать, что в первых Играх принял участие начинающий свой славный путь в спорте выдающийся боксер современности Рой Джонс. Но для 17-летнего Джонса главные победы будут впереди, а на московских Играх Доброй воли он уступил советскому боксеру Игорю Ружникову.

Среди участников соревнований были и два представителя чеченской школы бокса: чемпион СССР 1985 года Руслан Тарамов и абсолютный чемпион СССР 1985 года, чемпион СССР 1986 года в тяжелой категории Рамзан Себиев.

Во 2-м среднем весе (75 кг) главными соперниками Тарамова были американские боксеры Лоренцо Райт и Уайт Паркер. Но и первый его бой с болгаринцем Калином Стояновым имел свою подоплеку. Незадолго до Игр Доброй воли на турнире «Кубок Короля» в Тайланде Тарамов встречался со Стояновым. В ходе боя боксеру из Грозного удалось провести удар по печени, после которого Стоянов не смог встать с помоста. Но болгарский боксер всеми возможными способами попытался убедить судей, что удар пришелся ниже пояса. Артистизм болгарина возымел действие, и Тарамова дисквалифицировали. И вот теперь представился шанс взять реванш. Надо сказать, что Стоянов не был мальчиком для битья. О его силе говорит хотя бы тот факт, что в финал того самого турнира в Тайланде он вышел нокаутировав трех своих соперников. Но на ринге спорткомплекса «Олимпийский» преимущество Тарамова было тотальным. Все пять судей единодушно отдали победу советскому боксеру.

В полуфинале Тарамову противостоял первый номер сборной США, победитель весьма престижного в США турнира «Золотые перчатки» Лоренцо Райт – очень быстрый и техничный боксер. Но Руслан с первых секунд боя подавил соперника мощью своих ударов, логическим завершением которых стал тяжелый нокаут после правого прямого во втором раунде. Врачам пришлось изрядно потрудиться, чтобы привести американца в чувство.

Руслан Тарамов – чемпион Игр Доброй Воли.

Стоящий на второй ступеньке Уайт Паркер одного с ним роста.

Финальный бой Тарамова с Уайтом Паркером несомненно стал украшением всего боксерского турнира. Американец был сильным

боксером (его победа над чемпионом мира кубинцем Анхелем Эспиносой яркое тому свидетельство), к тому же набравшим к Играм Доброй воли отменную форму. В предварительных боях двух своих соперников он победил единогласным решением судей (в том числе и чемпиона СССР 1984 года в 1-м среднем весе Андрея Акулова). Преимущество Паркеру обеспечивал его очень высокий для этой категории рост (191 см), соответственно и длинные руки. К тому же он был левшой, что тоже осложняло жизнь соперникам.

В ходе поединка Тарамов побывал в нокдауне; в то же время он сам дважды посылал в нокдаун американца. Надо сказать, что Тарамов все свои бои проводил в зрелищной манере, а в данном бою и противник, надо отдать ему должное, не стал избегать открытого бокса. Все три раунда прошли под скандирование имени Тарамова. Зал буквально ревел от восторга. И рев этот, как писала тогда газета «Советский спорт», сквозь толщи бетонных стен спорткомплекса «Олимпийский» доходил до зала, где соревновались гимнастки, выступление которых пришлось даже на некоторое время приостановить. В итоге победу, к общему восторгу зрителей, одержал боксер из Грозного. Счет судейских голосов – 3:2 – красноречиво говорит об упорном противостоянии.

Любопытный факт, сразу после Игр Доброй воли в Москве появился, и некоторое время функционировал Фан-клуб Руслана Тарамова. В дни турнира Руслану исполнился 21 год, и, победив на нем, он сделал хороший подарок себе ко дню рождения. Примечательно, что награждал Тарамова первый трехкратный Олимпийский чемпион по боксу венгр Ласло Папп. Сделали Тарамову подарок и организаторы соревнований, назвав его лучшим боксером турнира. Но этот подарок Руслан заслужил своим блестящим выступлением. Кроме того за открытый и бескомпромиссный стиль ведения боя Тарамов был удостоен приза ЦК ВЛКСМ «За мужество».

После такой яркой победы младшего товарища не мог проиграть и Рамзан Себиев, выступавший в тяжелой категории (до 91 кг).

Основательный в жизни и на ринге, опытный и уверенный в себе Рамзан провел все свои бои очень ровно. Сложилось впечатление, что он не сделал ни одного лишнего движения в ринге. Но и при этом рационализме победы он одерживал убедительные. Хотя перед началом его первого боя с чемпионом Средиземноморских Игр, участником XXIII Олимпийских Игр, победителем многих международных турниров Мохамедом Бучине, было несколько тревожно – настолько фактурным выглядел алжирец. Да и статистика Бучине, говорящая о том, что он за семь лет занятий боксом проиграл всего 5 боев, подчеркивала его высокий уровень. Однако класс Рамзана оказался намного выше и в третьем раунде бой остановил в виду его явного преимущества.

Рамзан Себиев отправляет
Айка Падиллу в очередной
нокдаун.

В полуфинале в 1-м раунде так же за явным преимуществом был повержен единственный белокожий боксер из команды США Айка Падилла.

В решающем бою за чемпионский титул Себиев встретился со своим соотечественником Владимиром Балаем. В финале чемпионата СССР 1985 года в Ереване эти боксеры уже встречались между собой, и тогда победу праздновал Балай. На сей раз Рамзану удалось взять убедительный реванш – в ходе боя Балай даже побывал в нокдауне. Судьи единогласным решением присудили победу Себиеву.

Радость победы немного омрачило лишь то, что чиновники Госкомспорта не присвоили спортсменам обещанное в случае победы на турнире звание «Заслуженный мастер спорта СССР» и еще то, что финальные бои только чеченских боксеров вырезали из записи показа по центральному телевидению.

Состязания тяжелоатлетов проходили во Дворце спорта

«Измайлово» с 18 по 20 июля. Для зрелищности организаторы решили ограничиться соревнованиями в трех весовых категориях: до 100 кг, до 110 кг и свыше 110 кг. В категории до 100 кг сборную СССР представляли Руслан Балаев из Грозного и Юрий Дандик, через несколько лет, после развала СССР, защищавший уже цвета сборной Израиля. В рывке Балаев поднял 185 килограмм, что оказалось на 2,5 кг меньше результата и Олимпийского чемпиона 1984 года румына Нику Влада, и Юрия Дандика. Зато в толчке, проявив характер, он на 5 килограмм опередил Влада. В итоге, с результатом 412,5 кг в сумме двоеборья Руслан Балаев стал чемпионом первых Игр Доброй воли.

Руслан Балаев – чемпион Игр Доброй воли.

На второй ступеньке пьедестала олимпийский чемпион 1984 года Нику Влад.

В категории до 110 кг специалисты тяжелой атлетики предсказывали борьбу между советскими атлетами заслуженным мастером спорта СССР Юрием Захаревичем из Димитровграда – чемпионом СССР 1986 года и мастером спорта СССР международного класса Айнди Товсултановым из Чечено-Ингушетии – обладателем Кубка СССР 1986 года. Незадолго до этих Игр на чемпионате Европы в немецком городе Карл-Маркс-Штадт Захаревич победил с результатом 430 кг (195 + 235). В то же время в венгерском городе Татабанья Товсултанов выиграл Кубок Паннония с суммой 432,5 кг (192,5+240).

В рывке Айнди поднял 185 кг, что на 2,5 кг было меньше результата Юрия Захаревича. Но в толчке Товсултанов имел неплохие шансы на успех, ведь он был двукратным чемпионом СССР именно в этом упражнении. Однако случилось непредвиденное: во время первого подхода у него порвались связки ноги. Любая травма неприятна, но здесь ситуация была вдвойне обидной: ведь как минимум на серебряную медаль Товсултанов мог рассчитывать.

Занявший второе место после Захаревича тяжелоатлет из Чехословакии Антон Бараняк показал довольно невысокий результат в сумме двоеборья (407,5 кг). Да и Юрий Захаревич, подняв не самые предельные для себя 417,5 килограмм, предоставил шанс соперникам побороться с ним за первое место, чего он не сделал в том же году на чемпионате СССР, подняв в сумме внушительные 445 кг. Товсултанов даже не получил малой серебряной медали, так как по регламенту соревнований в отдельных упражнениях медали не разыгрывались.

Говоря о результатах Игр нельзя не вспомнить и уверенную победу в соревновании дзюдоистов в категории до 65 кг представителя братского ингушского народа Али Хамхоева, представлявшего в составе сборной Советского Союза Казахскую ССР.

Первые игры Доброй Воли оставили после себя наследие из 6 мировых, 8 континентальных и 19 национальных рекордов. Вторые Игры, прошедшие через четыре года в американском городе Сиэтл, также прошли на высокой ноте, хотя и участников соревнований было чуть поменьше, так же, как и стран-участниц. И рекордов мира было установлено всего три. Чеченским любителям спорта Игры Доброй воли 1990 года запомнились в первую очередь блестящей победой замечательного дзюдоиста Башира Вараева, выигравшего все свои схватки бросками на иппон.

В дальнейшем, в связи с тем, что «холодная война» закончилась, политические акценты в мире сместились, а практика бойкотирования Олимпийских Игр различными странами прекратилась, значимость Игр Доброй воли пошла на убыль. Впрочем, организаторам, для которых эти Игры были не в последнюю очередь коммерческим проектом, еще долгое время различными способами удавалось удерживать интерес мирового сообщества к этим соревнованиям. Так, в 2000-м году в Лейк-Плэсиде (США) прошли первые зимние Игры Доброй воли, а 5-е Игры в 2001-м году впервые прошли за пределами СССР и США – в Австралии. Но интерес к Играм все же понемногу угасал.

Окончательная точка была поставлена в 2005 году, когда шестые летние Игры в Финиксе (США) и вторые зимние Игры в Калгари (Канада) были отменены, а на официальном сайте Игр Доброй воли поместили сообщение о том, что проведение Игр прекращено.

25 лет – это тот срок, сквозь призму которого можно дать объективную оценку тому или иному событию. А их за четверть века, прошедшие с начала первых Игр Доброй воли, в мире произошло немало: распадались и образовывались страны, начинались и завершались войны, происходили политические и экономические коллапсы... Многие события прошлого людям представляются в самом радужном свете в первую очередь из-за ностальгических чувств, и первые Игры Доброй воли не исключение. Но при этом нельзя не признать и спортивную их значимость.

Для чечено-ингушского народа успех его представителей на первых Играх Доброй воли трудно переоценить: ведь это была предтеча впоследствии славных побед чеченцев и ингушей на Олимпийских Играх. И такие победы остаются в истории на века.

Муслим Гапуев, 25 июня 2011г.

Рамзан Себиев – абсолютный чемпион СССР

написано Movladi ABDOULAEV | 25.06.2011

Многие люди, оглядываясь в прошлое, считают произошедшие в их жизни события вполне естественными и обыденными. Но глядя в будущее, едва ли кто может угадать, что его ждет впереди.

Мог ли Рамзан Себиев, впервые переступая порог аргунской секции бокса, знать, что каких-то десять лет спустя ему будут рукоплескать во многих странах мира, показывать по телевизору, печатать фотографии в иллюстрированных журналах. Что он станет первым выходцем из Чечено-Ингушетии, поднявшимся так высоко на европейский пьедестал, и в числе первых чеченских спортсменов примет участие в Олимпийских Играх... x Конечно, юный Рамзан об этом даже не думал. Он пришел в бокс, как и многие мальчишки, чтобы выплеснуть чрезмерную энергию, свойственную молодому возрасту. На первых порах Себиев ничем не отличался от остальных своих сверстников. Но совсем скоро благодаря упорным тренировкам под руководством Хусейна Мудаева – в последующем заслуженного тренера России, Рамзан стал заметно превосходить своих соперников в мастерстве.

С 16-летнего возраста Себиев уже участвует во всесоюзных юношеских, а затем и молодежных соревнованиях. Но связывать себя с боксом всерьез и надолго Рамзан не планировал. Он даже поступил на нефтепромышленный факультет Грозненского нефтяного института, чтобы освоить востребованную в республике профессию инженера-нефтяника. Однако занятия боксом Себиев не бросил, успешно совмещая тренировки с учебой. Заслуженный тренер РСФСР Григорий Вартаков, работавший преподавателем и тренером в нефтяном институте, сразу разглядел в юноше безмерный талант и стал уделять ему более пристальное внимание. Надо сказать, что Рамзан с первых дней занятий спортом показывал завидное трудолюбие. А это, как известно, верный ключ к успеху. Ведь ни

один талант без тяжелого кропотливого труда не сможет проявить себя.

И успех не заставил себя ждать: сначала были победы на первенстве студенческого спортивного общества «Буревестник», других локальных соревнованиях. Затем по нарастающей на различных всесоюзных и международных турнирах. Самые значимые победы были одержаны на «Кубке Президента» в Индонезии, «Кубке Короля» в Тайланде, турнире в Чехословакии. Успехом можно считать и выход в финал крупного турнира «Кордова Кардин» в Гаване, где он только в финале уступил лидеру сборной Кубы в 1-м тяжелом весе Байю.

Серьезным проверкой для Рамзана Себиева стал чемпионат СССР 1981 года в Ташкенте. В его категории до 81 кг. соперники подобрались очень сильные. Одно то, что шесть из восьми участников четвертьфиналов были мастерами спорта СССР международного класса, говорило о многом. И в этой компании Себиев не только не дрогнул, но и проявил свои лучшие качества. В первых двух боях он уверенно победил Д. Бурлакова (за явным преимуществом) и Г. Оскорбина. В четвертьфинале его соперником был чемпион Европы и финалист Кубка мира 1979 года А. Николян. В первом раунде шел осторожный бокс, а во втором и третьем периодах Себиев имел тотальное преимущество, дважды отправлял своего соперника в нокаут. Но магия имени сыграло свою роль: после полуторачасового совещания судьи присудили победу спортсмену из Еревана.

Но такие неудачи только закалили чеченского боксера. Тогда же окончательно сформировался боксерский стиль Себиева. Манера боксирования Рамзана на первый взгляд казалась академичной и неспешной. Но в сильном ущербе бывал тот его соперник, кто хотя бы на секунду усомнился бы в его классе. В мгновение Себиев мог взорваться и страшным по силе ударом отправить в нокаут своего противника.

Настоящим прорывом для Рамзана стал чемпионат СССР 1985 года в Ереване, где он стал серебряным призером в 1-й тяжелой

категории. На том же чемпионате в категории до 75 кг. яркую победу одержал 20-летний Руслан Тарамов. Возможно, это сыграло не последнюю роль в становлении Себиева, как боксера экстракласса – отставать от своего младшего друга не хотелось. Честолюбие, как известно, хороший двигатель.

В декабре того же года в Иваново в рамках Кубка СССР Себиев добился большого успеха, завоевав звание абсолютного чемпиона СССР.

1986 год принес Себиеву новые победы: сначала он стал чемпионом СССР, победив в финале Евгения Судакова из Дмитровграда. Затем в составе сборной СССР успешно выступил на первых Играх Доброй воли, которые были организованы как примирительные (после двух бойкотов Олимпиад) соревнования между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки и имели довольно высокий статус. В каждой категории, помимо спортсменов из других стран, выступало по два участника от СССР и США. В 1-й тяжелой категории финал получился как и на чемпионате СССР 1985 года, но на этот раз Себиев взял уверенный реванш у Владимира Балая из Сыктывкара.

В декабре в рамках Кубка СССР, который проходил в Грозном, Себиев во второй раз бился за звание абсолютного чемпиона страны. Соперником Рамзана был действующий чемпион СССР в тяжелой категории Александр Мирошниченко из Кустаная. О его силе говорит тот факт, что в скором будущем он станет трёхкратным чемпионом Советского Союза, победителем Кубка Европы, призёром чемпионатов Европы и мира, бронзовым призёром Олимпийских игр 1988 года. А на профессиональном ринге лишь один раз проиграет в 22 своих боях, имея при этом в своем активе победы над выдающимися боксерами современности Риддиком Боуи и Ленноксом Льюисом.

Перед боем Мирошниченко, к неудовольствию местных болельщиков, сделал резкое заявление, в котором обещал нокаутировать Себиева во втором раунде. И можно представить, как зрители бурно встретили победу Рамзана, тем более, одержанную столь

ярко – в ходе боя Рамзан левым боковым послал Мирошниченко в тяжелый нокдаун. Это потом выяснится, что Александр Мирошниченко (трагически погибший в 2003 году) был в дружеских отношениях с чеченскими боксерами, а своим заявлением лишь привносил в поединок элемент шоу.

Итак, Рамзан Себиев второй год подряд стал абсолютным чемпионом СССР. Достижение, заслуживающее всяческого уважения. В следующем году Себиев не снизил победную поступь – победа на чемпионате СССР в Каунасе открыла ему дорогу на чемпионат Европы, который прошел в Турине. Давно известно, что спорт тесно переплелся с политикой и бизнесом. До выступления Себиева четверо советских боксеров (Ншан Мунчян, Михак Казарян, Орзубек Назаров и Юрий Ваулин) стали чемпионами Европы. Тотальная гегемония СССР в европейском любительском боксе не устраивала другие страны. Чтобы популярность любительского бокса не упала, на крупных турнирах судьи в меру своей коррумпированности во все времена аккуратно перераспределяют места на свой вкус. Примеров тому не счесть. Одним из них может считаться и финальный бой чемпионата Европы 1987 года в категории до 91 кг.

До финала Рамзан не встретил со стороны соперников серьезного сопротивления: сначала он единодушным решением судей победил боксера из Чехословакии Рудольфа Гавенчика, затем одержал две досрочные победы – над скандально известным поляком Анджеем Голотой и итальянцем Луиджи Гаудиано. В финале соперником Рамзана был голландец Арнольд ван дер Лийде. Его послужной список – трехкратный чемпион Европы, трехкратный призер Олимпийских Игр, двукратный призер чемпионатов мира – не может не вызывать уважения. Но, несмотря на все регалии голландца, Рамзан в том бою был безоговорочно сильнее. Это признали все специалисты бокса... Все, кроме судей, которые отдали победу ван дер Лийде.

Помню, каким расстроенным приехал из Италии заслуженный тренер РСФСР Григорий Вартанов, который как никто другой понимал, что его ученик за свое упорство, самоотдачу, трудолюбие, талант,

преданность боксу заслужил золотую медаль европейского боксерского форума.

✘ В октябре 1987 года Себиев, как финалист европейского чемпионата, принял участие в розыгрыше Кубка мира, прошедшем в Белграде. Незадолго до Кубка мира в Сухуми состоялись спарринги с боксерами сборной Кубы, которые перед поездкой в Югославию решили проверить свои силы в соперничестве с советскими боксерами. Себиев встретился на ринге с лидером кубинской команды Феликсом Савоном. В одной из атак Савон ударом слева выбил Рамзану плечо. Надо сказать, что все долгие годы своей боксерской карьеры Рамзан мучился из-за этой травмы, полученной еще в далеком 1976-м году. Тогда в Санкт-Петербурге (Ленинграде) перед финальным боем на юношеском турнире имени Олимпийского чемпиона Геннадия Шаткова, Рамзан, в шутку борясь с тяжеловесом из своей команды, неудачно упал на свое предплечье и сильно повредил плечо. Финальный бой на следующий день Себиев выиграл на морально-волевых качествах, но все последующие годы плечо приходилось основательно закачивать.

Отмечу, что Феликс Савон в ситуации, когда он нанес травму Себиеву, повел себя очень благородно: во-первых, проявил неподдельное сопереживание, а во-вторых, уже на самом Кубке мира в полуфинале практически ни разу не ударил по больному плечу советского боксера. Надо сказать, что заменить Себиева тренеры сборной СССР не имели права по регламенту Кубка мира, в котором могли принимать участие от Европы только финалисты чемпионата континента. Бой тот Савон выиграл. И это не удивительно: Феликс Савон – трехкратный Олимпийский чемпион, пятикратный чемпион мира, трехкратный победитель Кубка мира – не тот боксер, кого можно побеждать одной рукой. Правда, и одной рукой Рамзан сумел выиграть предыдущий бой у корейца Пэк Хён Мана, ставшего через год серебряным призером Олимпийских Игр в Сеуле. Так что, бронзовой медалью Кубка мира 1987 года Рамзан Себиев может вполне обоснованно гордиться.

После Кубка мира Себиев решил было завершить спортивную

карьеру, так как годы шли, а обустроенности в жизни не было. Сейчас молодые спортсмены даже не верят, когда им говорят, что выдающиеся советские чемпионы получали за свой тяжелый труд небольшие деньги, а привилегией их была возможность купить отечественный автомобиль вне очереди. Именно купить, а не получить в подарок, как это бывает сейчас. Потому и решил Рамзан найти себя в «гражданской» профессии, дабы на руках был диплом инженера-нефтяника.

Но тут вмешался случай. Получилось так, что перед Олимпиадой в Сеуле у чемпиона СССР 1988 года в 1-м тяжелом весе Виктора Акшонова не оказалось достойных спарринг партнеров. И тренеры сборной уговорили Себиева в виде поддержки съездить с ним на международный турнир в Румынию. И Себиев оказал «поддержку», уверенно победив Акшонова в финале турнира.

Эта победа Себиева поставила тренеров сборной перед серьезной дилеммой: боксер, который год не тренировался, уверенно выиграл у чемпиона страны. И кого в такой ситуации брать на Олимпийские Игры? Не последнюю роль сыграл тот факт, что это была пятая победа подряд Себиева над Акшоновым. «Ну что ж, – сказал Себиеву главный тренер сборной СССР Артем Лавров, – ты сам вытянул свой билет».

Так Рамзан Себиев попал на Олимпийские Игры в Сеуле. Но там судьи сумели в очередной раз показать, что в любительском боксе доминируют субъективность. Если не сказать предвзятость. В весовой категории до 91 кг., в которой выступал Рамзан Себиев, было немало сильных боксеров, но главным претендентом на золотую медаль был Рэймонд Мерсер из США. Уже после Олимпийских игр, которые он, к слову, выиграл, уйдя в профессионалы, Мерсер стал чемпионом мира в тяжелом весе по версии WBO. Но каким бы сильным не был американец, бой ему Себиев дал бы вне всяких сомнений: твердостью характера чеченский боксер точно не уступал американцу.

К сожалению, судьи не предоставили Рамзану возможности сразиться с боксером из США, откровенно засудив его в первом

же бою. Решение судей, провозгласивших победителем Луиджи Гаудиано, которого годом ранее Рамзан досрочно победил на чемпионате Европы, было для всех шоком. Итальянец даже не скрывал своего удивления. К его чести после боя он зашел в раздевалку советской команды и извинился за судей.

Казалось, теперь Себиев может поставить окончательно точку в своей не самой худшей боксерской карьере. Но судьбе угодно было проверить Рамзана на профессиональном ринге в Японии. И это испытание чеченский боксер выдержал с честью. В первом же бою Себиев нокаутом победил американца Дэвида Коула, который был без малого на 15 кг. тяжелее его. После этого сокрушительного поражения Коул оставил бокс, посчитав, что в жизни есть много других более безопасных видов деятельности. Во втором бою Рамзан единогласным решением судей выиграл у великана из США Винсента Джонса, рост которого был 2 метра 10 сантиметров. Это, кстати, было первое поражение перспективного проспекта. Чтобы уважаемый читатель понял, что Джонс был крепким боксером, а не колоссом на глиняных ногах, скажу, что он через полгода единогласным решением судей победит своего соотечественника с «боксерским» именем Рокки Папелли. А тот в свою очередь побеждал Джэймса Бастера Дагласа, того самого, что сенсационно нокаутировал «великого и ужасного» Майка Тайсона в 1990 году. Так что, соперники у Рамзана были не промах и «биографию» ему никто не собирался делать. Себиев выиграл и два последующих боя (один из них нокаутом). Но будучи человеком основательным, реально взвесив свои перспективы, Рамзан решил вернуться домой.

Может кто-то и скажет, что он рано покинул ринг: ведь было спортсмену всего 30 лет (для тяжеловеса это возраст начала карьеры), а все свои бои он выиграл с большим преимуществом. Но о правильность его шага говорит тот факт, что другой чеченский боксер Руслан Тарамов, тоже блистательно выступавший на профессиональном ринге, так и не дождался титульного боя хотя бы за звание интерконтинентального чемпиона, хотя потенциально был готов биться за самые высокие звания. В

спорте, как и в любой другой области, предвзятость и субъективизм тоже сильны. Достойный менеджмент боксерам из Чечено-Ингушетии никто оказывать не собирался.

После завершения карьеры Рамзан работал в нефтяной сфере, но любовь к боксу перевесила. Ныне он работает тренером в одной из московских школ бокса. Спортивные достижения Рамзана Себиева весьма значимы, но все же не они сделали его уважаемым и любимым в народе человеком. Честность, принципиальность, великодушие, благородство, – это те его качества, которые не могут не вызывать уважения.

Говоря о Себиеве нельзя не упомянуть и тонкое «себиевское» чувство юмора, благодаря которому он всегда бывает душой компании. Как-то я спросил у него: помнит ли он фамилию итальянца, с кем боксировал на Олимпиаде. «Помню, конечно, – серьезно ответил Рамзан, – Адриано Челентано». И сказано это было так убедительно, что я едва не поверил, что он действительно боксировал с эстрадным певцом.

Если характеризовать Себиева кратко, то это человек, с кем можно смело идти в разведку. Уверен, что со мной согласятся все, кто хоть немного знаком с ним.

Рамзан Себиев и Муслим Гапуев в школе бокса «Гладиатор», где знаменитый чеченский спортсмен работает тренером

Рамзан Себиев был среди первопроходцев, которые поднимали престиж своего народа, получая взамен лишь грамоты и жетоны. Но в те не очень далекие времена слово патриотизм не было ругательным, а двигателем общества была идеология и мораль людей, а не деньги. Жизнь на месте не стоит, в новые времена появляются новые герои, а с ними и поклонники. Но такие люди, как Рамзан Себиев, верой и правдой служащие своему народу, будут героями всегда, вне времени. И в этом есть высшая

справедливость.

Муслим ГАПУЕВ, 28 апреля 2011г.

Горячее сердце

написано Movladi ABDOULAEV | 25.06.2011

Магомед-Салах Гадаев (1909-1973)

В декабре 2009 года исполняется 100 лет со дня рождения выдающегося сына чеченского народа, поэта, писателя, драматурга, ученого и мыслителя Магомед-Салаха Гадаева.

В 30-60-е годы широко известное и с уважением произносимое имя, сегодня, к сожалению, знакомо только узкому кругу наших современников. Магомед-Салах Гадаев, по рассказам людей, хорошо знавших его, был человеком бесстрашного и безоглядного характера, человеком, не терпящим проявления несправедливости, лжи, оскорбительного отношения к себе и к своему народу. Поэтому и сложилась так трагически его судьба. Испытаний, отнимавших время, силы, здоровье, на долю Магомед-Салаха выпало сверх меры.

Он пришел в мир с прекрасными мыслями и надеждами, с мечтой жить и творить для людей. Его планы были смелы и заманчивы. Но из шестидесяти трех лет, отпущенных ему судьбой, тридцать по воле рока он проведет в тюрьмах и лагерях. И все, что удастся ему написать, будет написано в советских острогах. Жизнь

Гадаева напоминает историю итальянского философа, поэта и политического деятеля Томмазо Кампанеллы, который за годы своего длительного пребывания в разных тюрьмах создал десятки сочинений по философии, политике, астрономии, медицине, в том числе свое знаменитое произведение «Город Солнца». Кому-то трагическая участь Гадаева может показаться схожей с судьбой Николая Гавриловича Чернышевского, публициста, литературного критика и писателя, из активной жизни которого были вычеркнуты целых 27 лет! Тем не менее, находясь в крепости и в ссылках, он напишет работы по философии, социологии, политэкономии, этике и эстетике. Этих людей, живших в разное время, объединяло служение народу, страдания за убеждения.

Те, кто знали Гадаева, рассказывают, что он был соткан из самых разных противоречий: взрывной и мудрый, слабый и сильный, суровый и добрый, гордый и мягкий. И настолько щедрый, что готов был отдать последний кусок. Несмотря на незавидное положение в обществе, он шел по жизни открыто и раскованно, никогда не опуская голову. Был независим, честен и открыт со всеми.

Родился Магомед-Салах Гадаев в с.Чурч-Ирзе в 1909 году. В 1913 году Гадаевы переехали в с.Герзель-аул, где Магомед-Салах закончил семилетку и был направлен на учебу в г. Ростов-на-Дону на рабочий факультет (рабфак), где находились в 20-30-е годы XX века все руководящие органы Северо-Кавказского края: крайком ВКП(б), крайисполком и другие. Литературную и научную деятельность М.-С. Гадаев начал еще будучи студентом рабфака. Одаренный разносторонними талантами, он работал очень плодотворно. Уже в 30-40-е годы XX века им были написаны и опубликованы в периодике романы «Два человека» и «Ночной всадник», повести – «Невестка», «Грузин» и «Дикость», рассказы – «Хазман», «Друзья» и другие произведения.

После окончания рабфака способного выпускника оставляют на работе в аппарате крайисполкома. Некоторое время спустя М.- С. Гадаев все же возвращается в Чечню, где работает директором школы, ответственным секретарем Ножай-Юртовского райисполкома,

начальником районного земельного отдела, научным сотрудником Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы, занимается фольклорными и космологическими исследованиями. Но поработать над ними Магомед-Салаху Гадаеву пришлось недолго: в начале сороковых годов XX века, когда был пик истребления сталинским режимом мыслящих людей, М.-С. Гадаева арестовали по стандартному в те годы обвинению в антисоветской агитации и участии в организации национал-троцкистского толка. Он был осужден на долгие пятнадцать лет и мыкался по тюрьмам и пересылкам, пока не был оправдан и освобожден «за отсутствием состава преступления».

Перед ним даже не извинились за отнятые годы и здоровье, которое было подорвано изрядно. В лагере, где жизнь была невероятно трудной и жестокой, Гадаев находил возможность заниматься творчеством и научными исследованиями. Заключение, ценившие его талант и прозвавшие «Академиком», готовы были помочь ему в любом деле. В длинном бараке, где летом трудно было дышать, а зимой, в сильные морозы, зуб на зуб не попадал, находился уголок «Академика». Между стеной и двухъярусной кроватью стоял сколоченный из досок небольшой столик, который смастерил сам Магомед-Салах. Над столом и кроватью висели портреты его любимых поэтов: великого Шота Руставели, дагестанского ашуга и сказителя Гамзата Цадасы и знаменитого поэта и философа Востока Абдуррахмана Джамии. В этом углу и проводил Гадаев все свое свободное время. Здесь он создавал художественные произведения, здесь работал над научными открытиями.

К тому же Магомед был не из робких. Всегда требовательный к себе и окружающим, он редко улыбался и выглядел суровым. В лагере не давал в обиду ни себя, ни своих друзей. Все знали, что срок «Академик» получил, не совершив никакого преступления, и поэтому лагерное начальство, в виде исключения, разрешало ему писать и даже отправлять на волю многое из написанного.

Гадаев верил, что его многочисленные литературные и научные

труды встретят должное внимание со стороны специалистов, и работал усердно сразу по нескольким направлениям. В научных кругах ходили слухи, что официальная власть намеренно изолировала талантливого ученого, лишив его возможности заниматься исследованиями, поскольку опасалась, что обладающий выдающимися способностями представитель «неблагонадежного» народа способен работать в интересах не только отечественной, но и мировой науки.

«Могу сказать, что «личное» стоит у меня где-то далеко позади. На первом плане стоит работа, которой отдаются все мои силы, начиная с 1947 года, и которой они будут отдаваться до конца моих дней, в каких бы условиях я ни находился (в худших ли, в лучших). «Личное» существует для меня лишь постольку, поскольку оно необходимо для продолжения этой работы», – писал Магомед-Салах своему другу Хабибулле в Махачкалу.

Еще в годы учебы в Ростове Гадаев страстно увлекся космогоническими гипотезами Канта и Лапласа и не утратил к ним интереса до конца жизни. Это было отнюдь не праздное любопытство. Молодого ученого серьезно занимало не что иное, как рождение и гибель миров, радиоактивный распад атомов.

В 1947-1952 годах Магомед-Салах Гадаев совместно с физиком Самадом Баймурадовым сделал свое первое научное исследование «Картина мира». Работа заключенного, а затем – спецпереселенца, естественно, не была опубликована. Летом 1952 года это исследование направили главе государства и в Академии наук шести республик. Молодые исследователи надеялись, что оригинальные идеи заинтересуют специалистов. На деле вышло иначе. Предложенная концепция не нашла должного понимания в научном мире и была отвергнута, а некоторыми даже встречена в штыки. Маститых профессоров шокировала смелость теоретических построений, фантастичность гипотез и дерзость научных выводов. Это «чисто умозрительное построение натурфилософского характера», – небрежно отозвались они об открытии молодых максималистов.

Однако непризнание со стороны видных ученых не смутило Гадаева и он продолжил начатую работу. Заключалась она в следующем: Гадаев и его соавтор сделали расчеты процесса радиоактивного распада атомов в ходе рождения и гибели миров, исходя из материалистической диалектики. Таким образом, ученые-самородки пришли к выводу, что космические тела рождаются в виде сгустков раскаленного газа, остывают до определенной температуры, а затем вновь разогреваются, воспламеняются и рассеиваются в мировом пространстве. Таким образом, опровергались прежние теории развития материи. В своей теории Гадаев и Баймурадов весь процесс разделили на четыре фазы: дотепловую, тепловую, химическую и радиоактивную. Спроецировав эту гипотезу на основные положения науки о развитии человеческого общества, они с помощью диалектико-материалистического метода исследования создали новое учение и назвали свой труд «Картиной мира». Осмыслить и обобщить, привести в стройную систему данные естественных наук было для них такой же важнейшей задачей, как и использование достижений общественных наук для создания законченной теории развития общества. К сожалению, положения и выводы теоретических исследований одаренных молодых ученых были достаточно уязвимы в силу объективных причин. У них не было никаких условий для работы: ни научной аппаратуры, ни лабораторий, ни ассистентов, ни даже соответствующей литературы. К тому же часто камнем преткновения для Гадаева становилось клеймо «спецпереселенец». Но он верил в торжество справедливости и поэтому, не дожидаясь широкого признания, добивался решения конкретных задач.

Обращаясь к академику В. Г. Фесенкову, Гадаев просил его помочь в скорейшей математической разработке их идей, с помощью которых, как он считал, за короткий срок может быть создана теория зарождения и гибели космических тел. На письмо молодых ученых откликнулись из научных центров трех республик. Академик В. А. Амбарцумян поддержал авторов: «Ваши рассуждения более грамотны, чем многочисленные письма и рукописи других любителей, которые с избытком приходят ко мне из различных мест...».

«Вы высказываете ряд интересных мыслей, но точные науки требуют их математического доказательства», – писала ученый секретарь Академии наук Туркменской ССР Л. С. Орлова.

«В течение месяца ваш научный труд «Картина мира» будет выставлен в библиотеке обсерватории, а затем сдан в архив», – писали из Бюраканской астрофизической обсерватории Армении.

Гадаев все еще не понимал, что камнем преткновения является не отсутствие математических расчетов, а его статус осужденного и принадлежность к «крамольной» нации. И потому он не догадывался, что сражается с ветряными мельницами, когда бросался доказывать свою правоту ученым мужам.

Он ставил перед собой новые научные вопросы и искал на них ответы. Его интересовало все: принцип существования космических тел, вещество звезд, что представляет собой сила, способная раскалить ядро галактики, за счет чего возникает вращательное движение, почему галактики имеют дискообразную форму, какова роль радиоактивного распада или энергии в эволюции звездной материи?

Вопросы были дерзкие и по своей сути и по масштабам. На все эти вопросы у Гадаева были свои ответы, гипотезы, объяснения. Кроме научной работы «Картина мира» М.-С. Гадаевым были написаны и другие не менее интересные и значительные научные труды. Такие, например, как: «Изменение в качественных процессах порождения вещества», «Программа классификации и анализа звезд», «Спектор-химическая плотность» и другие.

Многие известные в СССР ученые-астрофизики и теоретики-химики считались с научными выводами чеченского ученого-самоучки. После освобождения Гадаев приехал в Киргизию, где жила его депортированная в 1944 году семья, а в 1957 году вернулся в родные края. Он начинает отовсюду собирать разбросанные, затерянные материалы, которые высылал по разным адресам из мест заключения. Часто выступает на страницах газет и по радио. Готовит к изданию учебник чеченского языка и несколько

своих поэтических сборников. В республиканской газете «Ленинан некъ» печатается с продолжением его поэма «Ночной всадник».

Авторитет и популярность Гадаева растут с каждым днем. Но именно это и беспокоит завистников Гадаева и внимательно наблюдавших за каждым шагом поднадзорного поэта сотрудников КГБ. «Иногда я грешу мыслью, что этот заговор против меня носил гораздо более широкий характер», – писал Гадаев, бессильный что-либо изменить в своей судьбе, над которой довлел чудовищный рок. Чекисты, зная силу его поэтического дара, опасались влияния Магомед-Салаха на пишущую братию, а больше всего на народ. Эта активность органов ничего хорошего не предвещала человеку, который отсидел в заключении лучшие годы своей жизни по самой тяжелой 58-й статье.

Но как бы он ни был осторожен, ему не удалось избежать худшего. За день до ареста, выступая на заседании только что созданного Союза писателей Чечено-Ингушетии, Гадаев говорил, будто внушал коллегам то, от чего сам хотел уберечься: «Теперь мы у себя дома. Когда мы жили вдали от родины, чем бы мы там ни занимались, нас никто не мог упрекнуть. Но теперь мы должны во всех делах быть помощниками нашему народу. Писатель несет большую ответственность перед народом. В этом деле спешка неуместна. Выдержка, выдержка и еще раз выдержка, говорили наши отцы. Этого никогда нельзя забывать».

А на следующий день выдержка и хладнокровие покинули его самого. Когда провокатор демонстративно и намеренно оскорбил чеченский народ, Гадаев ударил его ножом. Поэта вновь арестовали. Теперь уже за убийство. Зная, что вспыльчив, Гадаев старался контролировать поступки, сдерживать вспышки гнева, но после стольких лет испытаний не составило труда вывести его из терпения, и он потерял контроль над собой.

На следующий день после его ареста газета «Ленинан некъ» вышла без продолжения поэмы «Ночной всадник», которая так и осталась недописанной. Обстановка в Чечне в том же 1957 году, как и в последующие годы, продолжала оставаться напряженной.

Недовольные возвращением чеченцев на родину некоторые шовинистически настроенные руководители республики разжигали античеченские настроения, пытались столкнуть народы. Они хотели доказать, что вайнахи народ неуживчивый, злобный, враждебно настроенный, что их справедливо выслали, зря вернули домой, и пусть бы они остались жить в казахстанских степях. За малейшую провинность чеченца привлекали к уголовной ответственности и давали срок до 10-15 лет. Возвращенца могли оскорбить, унижить, но не дай Бог, если он отвечал на обиду. Его тут же сажали в тюрьму, по меньшей мере, за хулиганство.

Страсти накалялись и в августе 1958 года ситуация вышла из-под контроля. Пьяная толпа, подстрекаемая шовинистически настроенными элементами, вышла на улицы города с требованием выселить чеченцев и ингушей обратно в Среднюю Азию. Участники этой хулиганской акции начали штурмовать и громить здание Обкома КПСС. Были захвачены железнодорожный вокзал, главпочтамт, Из рупоров, установленных на крыше здания Обкома, неслись злобные крики митингующих. Постепенно требование вновь выселить чеченцев сменилось критикой власти и особенно Н. С. Хрущева, отменившего преступный сталинский указ. Расчет делался на то, что удастся спровоцировать чеченцев на конфликт. Но мудрость Председателя Совета Министров республики Муслима Гайрбекова, представителей вайнахской интеллигенции и авторитетных старейшин, выступивших с призывом сохранять спокойствие и достоинство, не дала втянуть чеченцев и ингушей в конфронтацию с митингующей толпой.

Через трое суток в город вошли части Закавказского военного округа. Был введен комендантский час. Подстрекатели беспорядков понесли заслуженное наказание. Все это происходило спустя год после ареста Гадаева. В 1957 году чеченцы негласно еще оставались «бандитами» и «врагами народа». Проступок Гадаева всем недоброжелателям оказался на руку, его подняли на щит, будто Магомед-Салах действовал, выражая настроение всего народа.

Суд приговорил Гадаева к высшей мере наказания – расстрелу.

Когда подсудимому дали последнее слово, он не стал просить о помиловании. Гадаев глубоко переживал случившееся, хотя и не мог забыть оскорбления, брошенного в адрес его народа. Для чеченского народа, национальной культуры и литературы гибель Магомед-Салаха стала бы огромной потерей. Это осознавала и сочувствовавшая Гадаеву интеллигенция. Председатель Правления Союза писателей республики Саидбей Арсанов вступился за коллегу. Он доказывал на официальном уровне, какую значимую роль в чеченской литературе играет этот человек. Арсанов просил суд заменить расстрел любым сроком заключения. Гадаеву дали 25 лет. Потом в соответствии с новым уголовным кодексом заменили на 15 лет. Вновь началась лагерная жизнь.

Но не столько факт заключения угнетал его. Суд совести был для него самой страшной казнью. «Мы видим жизнь в лицо, но познаем только в спину», – писал он из лагеря, словно извиняясь перед друзьями и коллегами. Изоляция от общества не мешала Гадаеву чувствовать пульс жизни, замечать, как под прессом партийной пропаганды, навязывания чуждой системы ценностей уходят в небытие прекрасные обычаи его предков.

В годы Советской власти целенаправленно, по указке «сверху» уничтожались веками складывавшиеся народные обычаи. Особенно активное наступление на национальный уклад под лозунгами борьбы с пережитками прошлого началось во второй половине шестидесятых годов. Гадаев болезненно реагировал на варварское искоренение духовности, культуры, созданной многими поколениями.

«Вольно или невольно способствуя исчезновению народных традиций, мы способствуем вымиранию народа, хотя люди и продолжают жить, хотя и остается форма одежды бурка и черкеска, писал поэт, не отсюда ли причины появления в людях многих недостойных черт? Отсутствие порядочности, уважения старости, неповиновение родителям?..».

Он был сродни по духу таким советским писателям, как Василий Шукшин, Валентин Распутин, Чингиз Айтматов, Виктор Астафьев...

Но трагедия Гадаева-писателя была в том, что он жил в другую эпоху и заболел проблемами века гораздо раньше этой блестящей плеяды советских классиков. Патриот своего народа, Гадаев переживал за всё, что происходило. Не было проблемы, связанной с жизнью и обычаями чеченцев, которая бы осталась без его внимания. Он призывал воспретить разрушать устои вайнахской семьи средствами массовой информации. Семейные отношения в чеченском обществе, считал он, – сфера неприкосновенная. Родители для детей, как велось испокон века, должны оставаться авторитетами. Дети должны уважать и почитать родителей, беспрекословно выполнять указания старших. Постоянные нападки на традиции, публичное шельмование старцев, требовавших следовать народному закону – адату, возмущали поэта. Так он стал публицистом.

Глубоко переживая происходящее, он еще в 1960-е годы пытался обратить внимание общества на те нравственные проблемы, которые в 1980-х годах вырастут в настоящее национальное бедствие для народов СССР. О них заговорят в своих статьях Олжас Сулейменов, Чингиз Айтматов, Виктор Астафьев...

«У нас больше, чем где-либо, нарушают указания партии о культуре, национальной по форме и социалистической по содержанию. И налицо неизбежный результат – крайнее оскудение духовной жизни аула. Этим горе-просветителям и невдомек, что новая социалистическая культура примется в данной нации только в случае, если ее «привить» к основам ее исконной традиционной культуры. Если включить все основы народной этики в разряд «пережитков прошлого», то новой культуре некуда пустить корни. А без корней нет и листьев. Без корней, сказал кто-то из публицистов, «маки и тюльпаны не цветут»...

Не на ровном месте рождается новое, а в «утробе» старого, с родимыми пятнами прошлого...». Тот, кто берется переводить стихи Гадаева на русский язык, знает, сколь непроста эта задача. В совершенстве владея чеченским литературным языком, поэт использовал редкие забытые образы и слова, которые имеют одновременно несколько значений. К сожалению, только писатели

старшего поколения (Халид Ошаев, Магомед Мамакаев, Абдул-Хамид Хамидов и, конечно, Магомед-Салах Гадаев) использовали все богатство родного языка, стараясь сберечь и передать его красоту в своих произведениях. Но как мало появилось на русском языке произведений Гадаева!

Не было литературного жанра, в котором не работал бы Гадаев. Его пьеса «Сурхо – сын Ади» долгие годы с неослабевающим успехом шла на сцене Республиканского театра имени Ханпаши Нурадилова. К сожалению, во время депортации текст пьесы затерялся. Но те, кому довелось в свое время посмотреть спектакль, вспоминают, что это была героическая драма на историческую тему, написанная ярким поэтическим языком.

В творческом наследии Гадаева было несколько пьес, но до нас, к сожалению, дошла только одна – «Яд тещи». (Любопытен факт, что драматург участвовал в спектакле по этой пьесе в качестве актера).

Видное место в творчестве писателя занимает книга «Кровная месть и прощение кровника», в которую вошли исторические и детские рассказы, сказки, басни и притчи. Автор двух романов, нескольких повестей, множества рассказов, написанных полвека назад, до сих пор остается актуальным, интересным современному читателю. Известно, что в лагере Гадаев работал над большим историческим романом. Можно предположить, это было произведение большой общественно-политической значимости, подобно роману Н.Г. Чернышевского «Что делать?», потому и осталось похороненным в архивах ГУЛАГа.

Гений Гадаева не признавал ограничений ни в творчестве, ни в науке. Он был лириком и физиком, поэтом и литературоведом. Ему принадлежит создание теории вайнахского стихосложения. В конце шестидесятых годов он присылает из заключения поэтические произведения, в которых предпринимает попытку преодолеть силлабическую основу вайнахского стиха и утверждает, что чеченская поэзия должна перейти от силлабической формы к монической. В его творчестве впервые появляется

«диалогическое» расположение стихотворений. Как человек профессионально владеющий словом, Гадаев не мог не обратить внимания на состояние письменной речи.

Работая над совершенствованием чеченского алфавита, который на государственном уровне трижды подвергался коренному изменению (последний раз на основе кириллицы), поэт считал необходимым «облегчить» его. Труд «К вопросу о правописании чеченского языка» был подготовлен им в лагере и направлен в Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт языка и литературы. Гадаев предлагал переработанный вариант орфографии и морфологии, облегчающий восприятие и усвоение текста. К этой работе он возвращался неоднократно, писал о ней во многих письмах. Кроме того, подготовил учебник для чтения в третьем классе начальной школы. По понятным причинам, книга под авторством Гадаева так и не вышла, хотя его разработки и были использованы на практике.

При жизни была издана одна единственная поэтическая книжка М.-С.Гадаева «Стихи» в 1940 году. Подготовленные им к печати книги стихов и поэм «Горячее сердце», «Лирика любви», «Последняя любовь», «Партизаны», «Рассказ чинара» и другие так и не были изданы по известным причинам. Только почти двадцать лет спустя, после смерти писателя, в 1990 году была издана вторая книга М.-С.Гадаева «Ночной всадник», куда вошли некоторые стихи поэта, отрывки из семи поэм и несколько рассказов. Большая подборка его стихов вошла в 2003 году в фундаментальную «Антологию чеченской поэзии».

Всегда главными темами творчества Магомед-Салаха Гадаева оставались Родина, любовь, неповторимая природа горного края, которую он хорошо знал и любил с детских лет. Многие его произведения так и называются: «Мечта о Родине», «Красный обрыв», «Осенний цветок», «Земля отцов», «Картины Родины», «Чинар на хребте», «Рассказ чинара» и т.д. И писал он о Родине и ее природе с такой пронзительной болью и грустью, такими нежными, берущими за душу словами, с таким лирическим вдохновением и стилистическим совершенством, как умел только

он один, непревзойденный мастер и знаток языка.

К сожалению, переводы не передают в полной мере всей прелести, легкости, изящности его почерка, всей глубины и яркости образа. Также мало изучена и поэтому почти неизвестна просветительская и переводческая деятельность Магомед-Салаха Гадаева. А ведь она заслуживает этого. Еще в 1942 году он в соавторстве с известным уже в те годы ученым-языковедом и просветителем Сираждином Эльмурзаевым составил хрестоматию для средней школы «Литература на родном языке». Она интересна тем, что в ней сделана попытка дать школьникам представление о художественности, о том, что такое поэзия. Там же разъясняется понятие жанра и что такое стихотворная речь, учащиеся знакомятся с такими понятиями, как ритм, рифма, стопа и т.д.». Поэтому этот учебник долгие годы оставался лучшим среди подобных изданий.

В 1957 году Гадаев подготовил для учащихся третьего класса «Книгу для чтения», считавшуюся лучшей в те годы. Он в соавторстве с известным исследователем чеченского языка М.Чентиевой создал в конце пятидесятых годов «Словарь правописания чеченского языка», который, к сожалению, так и не был издан.

Немало сделал Магомед-Салах Гадаев и для знакомства чеченских читателей с произведениями классиков русской, украинской и других литератур народов бывшего Советского Союза. Он мастерски, так как прекрасно знал не только чеченский, но и русский язык, перевел стихи и поэмы А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова (в частности, его эпическую поэму «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» и «Мцыри»), Н.А.Некрасова, роман А.Фадеева «Разгром», поэму Т.Г.Шевченко «Думы», рассказы Л.Н.Толстого и отрывки из романа «Война и мир», бессмертные шедевры А.П.Чехова и другие. И все они были великолепны, точны, чудесны, как и собственные его произведения, потому что он вкладывал в переводы не только свое мастерство и вдохновение, но и душу свою.

В 1972 году в возрасте 63 лет Гадаев вернулся домой. Наконец у него появилась возможность собрать и издать все свои произведения. Заставив себя забыть об окончательно подорванном здоровье, поэт иступленно берется за работу. Он готовит сборники: «Исповедь», «Последняя любовь», «Разговор с чинарой», «Горячее сердце», «Любовная лирика», «Партизаны», «Ночной всадник» и другие. Но издать их под своей фамилией опальный поэт не мог. Решено было выпустить сборники под псевдонимом. Но замыслам не суждено было сбыться – спустя несколько месяцев, в 1973 году, сердце поэта перестало биться.

Выдающегося поэта, писателя, философа, ученого не удостоили не только некролога в республиканской газете, но и простого сообщения о смерти, потому что он был опальным чеченцем. Официальная власть продолжала бояться Гадаева даже после его смерти. Пройдет целых пятнадцать лет после смерти поэта, прежде чем появится в печати его первый сборник стихов.

Лично для себя поэт хотел так мало: мечтал быть похороненным там, где родился, и чтобы на его могиле поставили небольшую «каменную отметину», куда бы могли приходиться друзья «весной и осенью, без злобы в сердце друг к другу».

Мечта Гадаева сбылась: у селения Чурч-Ирзе стоит простой, но очень выразительный надгробный памятник-чурт этому выдающемуся человеку.

А эпитафией могли бы стать слова самого поэта и мыслителя:

Простятся ли мои грехи?

Поймут ли меня люди?

Для них, сгибаясь от тоски,

Влачил я бремя буден.

Свою нужду откинув прочь,

Раздал по горстке света –

Мне так хотелось всем помочь!..

Зачтется ли мне это? *

Как ни старалась тоталитарная система предать забвению имя Гадаева, это оказалось ей не под силу – имя Магомед-Салаха Гадаева навсегда осталось в памяти чеченского народа.

Подготовил Муслим Гапуев

*- перевод М. Гешаева.

Использовались материалы: Очерк Мусы Гешаева о М.-С. Гадаеве из второй части книги «Знаменитые чеченцы»; очерк Адиза Кусаева «Магомед-Салах Гадаев» из книги «Писатели Чечни»; воспоминания заслуженного артиста ЧИАССР Имрана Усманова.

В стиле Ренессанса

написано Movladi ABDOLAIEV | 25.06.2011

Канташ решил построить дом. Желание это у него возникло давно, но прежде не было возможности. В первую очередь материальной, поскольку он был учителем, а на зарплату учителя можно возвести разве что шалаш.

Долгие годы семья Канташа, как и многие чеченские семьи, провела в военных условиях. Но законы жизни рано или поздно берут верх над человеческими глупостями: войны закончились. Стала налаживаться мирная жизнь, первым признаком которой является создание рабочих мест. У населения появились

небольшие доходы. Жена Канташа Зура, чутко уловив тенденцию, стала заниматься бизнесом.

В Чечне бизнесом называют все то, что не является государственной работой, даже если это приносит вместо прибыли одни убытки. Зура торговала на сельском базарчике всяким тряпьем, которое привозила из Турции. В убытке она, конечно, не была, иначе не затеяла бы с супругом строительство дома. Канташ сначала стеснялся торговой деятельности своей жены, все же он, будучи учителем, воспитывал детей в духе служения Родине. А торговцы кому служат? Правильно, самим себе. То, что платя налог, они могут служить и своей стране, он как-то не задумывался.

Участок на окраине села Канташу, как учителю, дали еще в Советские времена. За долгие годы он зарос всеми видами существующего в мире бурьяна. Может и не взялся бы за строительство дома Канташ, если через год не должен был, окончив один из российских институтов, вернуться домой старший сын. Недалек день, когда его надо будет женить... Было бы хорошо, если до этого сын нашел подходящую работу. В общем, одни хлопоты. Но хлопоты приятные.

После возведения фундамента, Канташ в целях экономии решил попробовать себя в роли каменщика. Помощниками себе взял младшего сына и племянника. Работа закипела.

Весть о том, что учитель строит дом, мгновенно облетела село. В сельской местности, притом, что дел у людей никогда не убавляется, есть праздная часть населения, которые от таких мероприятий, как строительство дома, ждут некоего зрелища. К тому же, есть возможность поделиться своим бесценным в этом деле опытом— ведь не секрет, что в каждом чеченце живет отменный строитель. Канташа в селе знали и уважали, как человека грамотного, но строить дом — это не теоремы у доски объяснять. Тут все гораздо хитрее. Оттого и ждали некоторые доброхоты ошибок Канташа, и готовы были помочь советом при первом же его неправильном шаге. Хотя из практики известно,

что советы в таком важном деле, как строительство дома, далеко не безобидны. Нередки случаи, когда человек после начала стройки, наслушавшись советов бывалых людей, менял заранее намеченный план. А поскольку опытных в деле строительства людей бывает немало, и каждый имеет талант навязывать свое мнение, зачастую в итоге получается дом с одной стороны похожий на королевский дворец, а с другой – на нищенскую лачугу.

Каждый день к месту строительства стекалась разнообразная публика, объединительным фактором которой была забота о стройке. Выражалось это в том, что каждый подходящий, еще не успев толком осмотреться, начинал давать Канташу, а заодно и всем остальным, ценные советы. Казалось, собери опыт всех советчиков в один единый, то можно было в данном селе построить здание, по сложности конструкции не уступающий американским небоскрегам. Собравшиеся рассаживались на импровизированные стулья из кирпичей и начинали бурно обсуждать работу Канташа. Обсуждения зачастую переходили в споры: одни говорили, что Канташ плохо кладет кирпич, другие же утверждали, что очень плохо. Затем обычно споры плавно перетекали на перипетии местной жизни и даже на личности.

Канташ слышал, как народ живо обсуждает его работу. Вначале он прислушивался к советам, но когда понял, что их масштабность и глобальность более актуальна скорей на космической орбите, нежели при строительстве небольшого дома, перестал обращать внимание и на советы, и на советчиков их дающих. Но не тут-то было – забота некоторых из односельчан о его будущем жилье была настолько навязчивой, что у Канташа стали сдавать нервы. Даже показания отвеса с уровнем, говорящие о том, что ровнее его кладки кирпича может быть только линия горизонта не убеждали публику. Видимо, причиной всему была мысль, которая подспудно сидела в головах у людей: не учительское это дело класть кирпич. Эту версию подтверждали и возгласы из толпы: «Зачем братья за то, что не умеешь делать». Чашу терпения Канташа переполнил хромой Исрапил, который подойдя к нему

совсем близко, и обдавая перегаром, доверительно произнес: «Клянусь Аллахом, у тебя ряд кирпичей криво идет». «Идет, идет» – радостно закивали все остальные. Тут Канташ не выдержал. – Эй, люди, – закричал он в толпу. – Вы что, не понимаете? Мы же специально кирпич криво кладем. Это стиль такой средневековой. Ренессанс называется.

Среди зевак воцарилось молчание. Многие повидали чеченцы в последние годы, о многом они слышали, но о таком мудренном стиле строительства, чтобы криво клали кирпич, слышать не доводилось. Переспросив несколько раз название стиля, сельчане разбрелись по домам. Через несколько дней в селе все знали, что Канташ строит дом в каком-то мудреном стиле. Название не все могли произнести, но зато все знали, что кирпич должен быть положен криво. Ценителей прекрасного в селе оказалось немало, иначе как объяснить паломничество односельчан Канташа к его строящемуся дому.

В один прекрасный день людей собралось как никогда много. Собранный народ долго смотрел на отстроенные стены, что-то тихо обсуждая между собой. Из толпы вышел старый Махма, внимательно оглядел почти выложенную стену, и несколько раз переспросил у Канташа название стиля, по которому тот собрался строить дом. Махма многое знал и многое повидал в жизни, и его мнение было важным.

«Значит специально дом кривой строишь? – ехидно спросил Махма у Канташа. И затем, после долгой театральной паузы, еще раз внимательно оглядев стену будущего дома, обращаясь скорее к односельчанам, победоносно произнес: «Не выйдет у тебя никакой нисанс-мисанс – ты чересчур ровно кирпич кладешь».

Все одобрительно загудели. Из толпы слышались возгласы: «Зачем браться за то, что не умеешь делать». Народ стал расходиться, окончательно уверовав в то, что не учительское это дело дома строить. А Канташ продолжал трудиться. За день немало сделано, но впереди еще много работы.

Солнце шло к закату, подводя черту под обычным днем обычного чеченца.

Муслим Гапуев

Принцип бумеранга

написано Movladi ABDOULAEV | 25.06.2011

Одним из величайших царей в истории Индии был правитель по имени Акбар. За доброжелательство и справедливость к людям его называли Хранителем человечества. В свое правление он значительно расширил и укрепил Индию как государство. Всякого выдающегося человека Акбар брал в свою свиту и щедро одаривал. Великие мудрецы и философы, художники и танцоры составляли его окружение.

Но, надо сказать, что у Акбара, как у человека наделенного безмерной властью, были некоторые причуды: он мог неожиданно сделать что-нибудь неадекватное. И, конечно, у царя не спросишь: «Почему ты так поступил?»

Однажды Акбар беседовал с девятью своими лучшими друзьями. Это были самые талантливые люди из его окружения. Неожиданно он, без всякой на то причины, ударил по лицу человека, с коим только что общался. Им оказался известный философ, который, недолго думая, развернулся и дал пощечину одному из министров, стоящему к нему ближе всего. Министр тут же дал оплеуху следующему. Говорят, что эта пощечина обошла всю столицу Индии.

А ночью Акбара внезапно ударила его собственная жена. Он спросил:

– Что ты делаешь?

Она ответила:

– Я не знаю в чем дело, но это происходит по всей столице. Меня тоже сегодня ударила твоя первая жена. Она старше меня, поэтому я не осмелилась ответить ей тем же. Кроме тебя мне некого ударить.

– Надо же, – сказал Акбар. – Моя собственная пощечина вернулась ко мне...

К чему я это? Любое добро и зло, сделанное нами, возвращается бумерангом к нам же. Так не лучше ли делать добрые дела, чтоб спустя какое-то время пожинать их плоды.

Муслим Гапуев

Соперники

написано Movladi ABDOLAIEV | 25.06.2011

В погожий осенний день на грозненском рынке встретились два бывших борца-вольника. Знали они друг друга много лет и при других обстоятельствах могли бы, может быть, стать и друзьями. Вся беда в том, что в бытность они боролись в одной весовой категории. Схватки их всегда проходили упорно, хотя при этом Руслан всегда выигрывал у своего соперника. Бекхан был очень

честолюбив, много тренировался, но Руслана победить никак не мог – уж очень тот был техничным и сильным борцом. Руслан, если бы не грянувшая война, мог бы добиться значительных успехов в спорте. Бекхана злило, что он вечно второй и порой, после очередного проигрыша, в бессильной злобе, бывало, не подавал руки Руслану. Говорить о дружбе в таком случае не приходилось.

Друзья-соперники поздоровались и оглядели друг друга. Не виделись они больше десяти лет и за это время сильно изменились. О занятиях спортом мало что напоминало в их облике. Бекхан раздался, погрузнел, хотя взгляд остался таким же решительным, как и прежде. Руслан, напротив, как-то сморщился, выглядел болезненно. Вид его был довольно потрепанный, что особенно было заметно на фоне одетого с иголки Бекхана. Приятели задали друг другу два-три традиционных вопроса о жите-бытие и услышали обычное в таких случаях: «все нормально». Тогда Бекхан перешел к неформальному общению. Был он на язык острым, и от его подначек многим и прежде доставалось.

– Что-то ты захилел, мой друг, – развязно произнес он. – Что, жена плохо кормит?

– Хорошо кормит, – вяло ответил Руслан.

– И вид у тебя помятый. Что ж она тебя не обстирает, не выгладит. Я бы такую жену в угол поставил за неповиновение, – глумился Бекхан.

Руслан насупился.

– А помнишь, друг, ты у меня выигрывал все схватки? Сейчас слабо побороться? – хохотнул Бекхан.

– Сейчас слабо, – грустно сказал Руслан.

– То-то. Не понимаю, как я раньше тебе проигрывал, – скептически оглядел Бекхан своего собеседника.

Руслан кисло улыбнулся, затем спешно попрощался и пошел по своим делам.

Дела эти были незатейливые: надо было купить на базаре краску, чтобы обновить надпись на могильном камне жены. Сегодня как раз была годовщина ее смерти. Ровно год назад при внезапном обстреле снаряд попал в их дом...

От длительного хождения протез натер ногу, и она сильно ныла, напоминая Руслану день, когда он наступил на неразорвавшуюся мину.

А бороться...

Бороться и побеждать будет сын Руслана, которому отец успешно передает свое мастерство.

Муслим Гапуев, 10 августа 2009г.

Дружба народов

написано Movladi ABDOLAIEV | 25.06.2011

Начало военной кампании в Чеченской Республике положило конец мифу о дружбе российских народов. Хотя, надо отметить, что еще задолго до начала войны средства массовой информации вбили в головы российских обывателей негативное отношение к кавказцам, особенно к чеченцам. В первую очередь негатив начинался с оскорбительного для всех кавказцев штампа «лицо кавказской национальности». Конечно, отдельные представители этих самых народов, в том числе и чеченцы, не были дружны с законом. Но

тогда речь надо вести не о нации в целом, а о тех, кого во всем мире называют преступниками. Таковых и среди представителей других российских народов было не меньше, однако (теперь мы это уже знаем) на карту была поставлена именно Чечня. В таких делах очень важно общественное мнение и оно под эту грязную игру политиков было сформировано многими продажными СМИ. Ну а что делать в таком случае законопослушному чеченскому обывателю? Чувства ведь осязаемы. На неприязнь любой нормальный человек отвечает неприязнью.

Есть у меня один знакомый по имени Саид, которого друзья называют строго по отчеству – Ибрагимовичем. То ли от сильного уважения, то ли от того, что отчество Саида совпадает с фамилией его любимого футболиста Златана Ибрагимовича. Этот футболист, к слову, яркий пример всемирной консолидации народов: босниец с хорватскими корнями, имеющий шведское гражданство и живущий в Италии.

Болельщик Саид заядлый и очень эмоциональный – когда он «болеет» за какую-либо команду (не «болея» смотреть спортивные баталии он не может), можно подумать, что в ней играют его самые близкие родственники, а проигрыш сулит потерей всего на свете, включая здоровье, а может даже и жизнь. Вид спорта для Саида значения не имеет, для него важен сам дух спортивного поединка.

Он смотрит по телевизору все спортивные передачи. «Болеть» Саид может за спортсменов какой угодно страны. Причем, чужеземных спортсменов, кому он отдает свои симпатии, он называет «нашими». Таковыми, к примеру, становились и кенийские бегуны, и норвежские биатлонисты, и женская сборная Кубы по волейболу, и итальянская команда по водному поло, и многие другие представители далеких и близких стран, имеющие отношение к чеченскому народу весьма опосредованное. Объект для «боления» Саид выбирал спонтанно. На это, как правило, влияют субъективные факторы, вплоть до понравившегося ему спортивного костюма или гимна той или иной страны. Но вот за кого Саид точно не «болел» в последние годы, так это за

российские команды.

Две войны сделали свое дело и неприязненное отношение к стране, которая с легкостью истребила многих своих законопослушных граждан, вылилось в негативное отношение к российским спортсменам, а через них и к российскому обществу в целом.

Однажды друзья решили проведать Саида. По телевизору как раз начинался матч чемпионата Европы по футболу между Швецией и Россией. «Боюсь, как бы наши не уступили, – говорит Саид, – соперник помобильнее будет». Для присутствующих ясно, что под «нашими» Саид подразумевает шведов: во-первых, наш Ибрагимович болеет за шведского Ибрагимовича, а во-вторых, «болеть» против сборной России стало его едва ли не жизненным кредо.

Матч получился весьма напряженным, что взвинтило и без того эмоционального Саида. Каждый промах футболистов он комментировал нелицеприятными для футболистов эпитетами, самый мягкий из которых имел смысл такой, что выйди сейчас Саид на футбольное поле, непременно забил бы с десятков голов. Причем обеим командам.

Российские футболисты сделали, казалось бы, невозможное – забив два безответных мяча, выиграли матч и вышли в четвертьфинал чемпионата Европы. Все присутствующие затаились, ожидая выплеска негативных эмоций хозяина дома. Но к великому удивлению гостей Саид устроил импровизированную лезгинку в комнате.

«Слушай, Ибрагимович, – обратились к нему друзья, – напрасно ты веселишься: «твои» ведь проиграли. Ты, может, цвет футболок перепутал?». На что сияющий Саид гордо произнес: «Я – за Россию!».

Не верьте, когда политики объявляют о завершении войны. Политики войны только начинают, но не они их останавливают. Война заканчивается тогда, когда люди начинают сопереживать спортивной команде конфликтовавшей с ними стороны.

Муслим Гапуев

ШПИОН

написано Movladi ABDOULAEV | 25.06.2011

Остановил как-то мою машину автоинспектор. Долго проверял документы, затем задумчиво произнес:

– И скорость ты не превышал, и документы у тебя все в порядке, и ремень пристегнут, и «аптечка» есть, и техосмотр автомобиля проведен. Все хорошо. Но ведь так не бывает. Не шпион ли ты какой?

С серьезной интонацией сказал, так что даже я и не понял, шутит он или всерьез.

Зато на мысль меня натолкнул, что порядка в чеченском обществе не будет до тех пор, пока «шпионами» будут считать тех, кто соблюдает законы и порядок, а не наоборот.

Муслим Гапуев

Кавказец

написано Movladi ABDOULAEV | 25.06.2011

Гораздо реже, чем хотелось бы, но все же нам с друзьями удается встречаться. Говорим о том, о сем, о прошлом, о будущем. О жизни в общем. На этот раз почаевничать мы собрались у Абдулвахида. Недавно он себе тарелку спутниковую поставил и теперь может запросто смотреть несколько десятков телевизионных каналов в чистом изображении.

– Ты-буржуй, – говорю ему. – У меня телевизор передачу «Спокойной ночи, малыши» нормально не показывает, а ты даже на туркменском языке передачи можешь смотреть.

– Это еще что, – смеется Абдулвахид, – тут один канал есть, который двадцать четыре часа в сутки борьбу и бокс показывает.

– Не может быть, – ахнули мы: в нашей компании все любили спорт.

Только Харон не любил его. Его светлые мозги были заняты наукой – не спроста же он стал кандидатом этих самых наук. Абдулвахид ставит нужный канал, и мы видим, как двое крепких мужчин мутузят друг друга.

– Это смешанные единоборства, – поясняет поднаторевший в этих делах хозяин спутникового телевидения.

Но всех присутствующих заинтересовала кавказская фамилия одного из участников схватки, а не то, как называется разновидность данного поединка.

– Родригес нанес апперкот Джабраилову, – надрывался комментатор.

– А что такое «апперкот»? – спросил Харон. Мы считали, что он

знает все на свете, но этот наивный с нашей точки зрения вопрос поставил под сомнение его образованность.

– Думаю, этот Джабраилов карачаевец или балкарец, – со знанием дела заявил Хампаш.

Тем временем Джабраилов провел против Родригеса отличный бросок.

– Клянусь Аллахом, этот Джабраилов – сто процентов чеченец, – радуясь своему открытию, воскликнул Хампаш.

– Точно. Смотри, как ловко в ноги проходит – поддержал его Халид.

– Да, такая борцовская техника только у чеченцев бывает – авторитетно вторил ему Ибрагим.

Родригес тем временем провел сильный удар ногой по корпусу Джабраилова.

– Что же он не закрылся? – расстроился Хампаш.

– Нет, – произнес недовольный происходящим в телевизоре Халид.

– Он не чеченец, а скорей всего дагестанец.

– Наверняка дагестанец, – обрадовался Ибрагим. – По ушам борцовским можно понять.

– А что, у борцов других национальностей уши отличаются чем-то? – наивно спросил Хамид, но по взгляду Ибрагима понял, что на такой неуместный вопрос ему вряд ли стоит дожидаться ответа.

Джабраилов тем временем подмял Родригеса под себя и начал его мутузить.

– Бьет как колхозник, типично в чеченском стиле, – прокомментировал Хампаш. Все радостно засмеялись.

– Смотрите, как тяжело приходится чемпиону Латинской Америки

против российского спортсмена, – усиливал эмоции комментатор.

Родригес все же вывернулся из захвата Джабраилова и сам попытался провести прием. Схватка до самого конца проходила в упорном соперничестве ... После долгого совещания с боковыми судьями рефери в ринге объявил ничью. Разумеется, мы были категорически не согласны с таким решением.

– Судья сто процентов подкуплен, – возмущался Хампаш. Присутствующие с готовностью согласились с ним.

Единственный, кто плохо разобрался в текущем моменте, был Харон:

– Ничья – это же хороший итог, чем вы недовольны?

Все неудовлетворенные чувства болельщиков тут же нашли свой выплеск.

– С каких это пор ты стал в спорте разбираться? – накинулись мы на Харона. – Это тебе не научные открытия делать – тут все гораздо сложнее.

– Я не в спорте разбираюсь, а в географии, – отбивался Харон. – Площадь Латинской Америки в шестьдесят раз больше Северного Кавказа, а численность населения – почти в тридцать раз. Закончить схватку вничью с чемпионом такого большого континента я считаю успехом с точки зрения науки и статистики.

Аргумент был слишком серьезен – крыть его было нечем. Чувство гордости за Кавказ переполнило наши души. Итог поединка подвел хозяин дома:

– Наш посильней был! Все радостно закивали головами.

Нас уже не интересовала национальность Джабраилова, ясно было одно – он кавказец, а значит «наш». Ведь в принципе, если ты житель большого дома под названием Кавказ, нет разницы кто ты по национальности. Вне Кавказа нас не различают по этносу – все мы являемся «лицами кавказской национальности». Мы ведь в

свою очередь тоже не очень-то озабочены выяснением происхождения Родригеса – латиноамериканец и все тут.

И еще я подумал, что наука все же великая сила, если направила наши мысли и чувства в правильное русло...

Муслим Гапуев

Удивил

написано Movladi ABDOULAEV | 25.06.2011

Любая война раскидывает родственников, друзей и знакомых далеко и надолго. Но чеченцы при первой же возможности стараются приехать домой – все-таки мы не космополиты.

Вот и в нашей истории встретились после долгого расставания старые друзья. Давно не виделись, много трагических событий произошло в жизни каждого. Словом, есть о чем поговорить.

У одного разбомбили, сожгли, разграбили два больших дома. Выразили сожаление по этому поводу – все же много сил потратил человек, чтобы заиметь эти материальные блага. У другого погибло в семье много людей. Поохали, поахали, выразили соболезнование по погибшим, но особого удивления и это не вызвало – слишком много пришлось всем пережить горя.

Третий товарищ долго напрягал свою память, пытаясь вспомнить что-то еще более трагическое прежде рассказанного. Но, поняв тщетность своих попыток, честно признался: «К своему стыду, мне и рассказать нечего». «Как нечего?» – удивились друзья.

«Нечего – потому, что больше вас пережить мне не пришлось, – продолжил третий товарищ. – Домов больших у меня никогда не было, а двухкомнатную «хрущовку» не жалко. Без потерь война никого не оставила, но самых близких людей я не потерял. В этом мире все относительно, и слушая вас, друзья, я понял, что у меня все хорошо. Так что, удивить мне вас ничем не удастся».

Первые два рассказчика вначале оцепенели, а затем заговорили в один голос: «Много нам пришлось пережить в последнее время, много мы повидали, ничем нас не удивить, как нам казалось. Но тебе это удалось сделать. Чтобы в наше время чеченец заявил, что у него все хорошо – это удивительно»...

Муслим Гапуев